

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ о Масруре и Зейн-аль-Мавасиф

Рассказ о Масруре и Зейн-аль-Мавасиф, ночи 845-854

Рассказ о Масруре и Зейн-аль-Мавасиф, ночи 855-863

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века и годы один человек, купец, по имени Масрур, и был этот человек из прекраснейших людей своего времени, с большими деньгами и живший в холе, но только любил он гулять в цветниках и садах и развлекаться любовью к прекрасным женщинам.

И случилось так, что он спал в одну ночь из ночей и увидел во сне, будто он в саду из прекраснейших садов, и в нем четыре птицы, и в числе их – голубка, белая, как начищенное серебро. И купцу понравилась эта голубка, и возникло из-за нее в его сердце великое волнение, а потом он увидел, что к нему спустилась большая птица и вырвала голубку у него из рук, и показалось это ему тяжким. А затем, после этого, он пробудился от сна и не увидел голубки и боролся со своими желаниями до утра.

И он сказал себе: "Непременно пойду сегодня к кому-нибудь, кто растолкует мне этот сон..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок шестая ночь

Когда же настала восемьсот сорок шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Масрур–купец, пробудившись от сна, боролся со своими желаниями до утра, а когда настало утро, он сказал себе: "Непременно пойду сегодня к кому-нибудь, кто растолкует мне этот сон!" И он поднялся и ходил направо и налево, пока не удалился от своего жилища, но не нашел никого, кто бы ему растолковал этот сон, а затем, после этого, он захотел вернуться к своему жилищу. И когда он шел по дороге, вдруг пришло ему на ум свернуть к одному дому из домов купцов. А этот дом принадлежал кому-то из богатых, и когда Масрур подошел к нему, он вдруг услышал звуки стенаний, исходивших из печального сердца, и голос, произносивший такие стихи:

"Подул благовонный ветер с места, где след се,

Вдыхая его, больной найдет исцеление.

Стоял у развалин я истертых и спрашивал,

Давали ответ слезам лишь кости истлевшие.

Я молвил: "О ветерок, Аллахом молю, скажи,

Вернутся ли к этому жилищу дни счастья

И буду ли счастлив я с газелью, склонившей стан

Ко мне, – с сонных век недуг изнурил меня"

И, услышав этот голос, Масрур заглянул за ворота и увидел сад из прекраснейших садов, в глубине которого была занавеска из красной парчи, окаймленная жемчугом и драгоценными камнями, а за занавеской были четыре невольницы, и между ними – девушка ниже пяти пядей за выше четырех пядей, подобная светящей луне и округлому месяцу, с парой насурьмленных глаз и сходящихся бровей и ртом, подобным печати Сулеймана, а губы и зубы ее были точно жемчуг и коралл. И она похищала разум своей красотой, прелестью, стройностью и соразмерностью. И когда Масрур увидел эту девушку, он вошел в дом и прошел дальше, пока не дошел до занавески, и тут девушка подняла голову и посмотрела на него. И Масрур приветствовал ее, и она возвратила ему приветствие нежной речью, и когда Масрур взглянул на девушку и всмотрелся в нее, его ум улетел и сердце его пропало. И он посмотрел в сад, а сад был полон жасмина, левкоев, фиалок, роз, апельсинов и всяких, какие бывают с саду, цветов, и все деревья опоясались плодами, и вода лилась вниз из четырех портиков, которые стояли один напротив другого. И Масрур всмотрелся в первый портик и увидел, что вокруг него написаны красным суриком такие два стиха:

О дом, да не войдут в тебя печали,

И время пусть владельца не обманет!

Прекрасен дом, приют дающий гостю,

Когда для гостя станет место тесным!

А потом он всмотрелся во второй портик и увидел, что вокруг него написаны червонным золотом такие стихи:

Блистают пусть на тебе одежды довольства,

Покуда чирикают на дереве птицы.

Пребудут пускай в тебе всегда благовония,

Желания любящих в тебе да свершатся.

И пусть обитатели твои будут радостны,

Покуда блистает рой звезд быстрых в высотах.

А затем он всмотрелся в третий портик и увидел, что вокруг него написаны синей лазурью такие два стиха;

Пребудь в благоденствии, о дом, и довольстве,

Покуда темнеет ночь и блещут светила.

В воротах твоих входящим счастье дает приют,

И благо пришедшему твое изобильно.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А затем он всмотрелся в четвертый портик и увидел, что вокруг пего написан желтой тушью такой стих:

Сад прекрасный, а вот и пруд полноводный

Место дивно, и наш господь всепрощающ.

А в этом саду были птицы: горлинки, голуби, соловьи и вяхири, и всякая птица пела на свой напев, а девушка покачивалась, красивая, прелестная, стройная и соразмерная, и пленялся ею всяк, кто ее видел. "О человек, – сказала она потом, – что дало тебе смелость войти в дом, тебе не принадлежащий, и к девушкам, не принадлежащим тебе, без разрешения их обладателей?" И Масрур ответил: "О госпожа, я увидел этот сад, и мне понравилась красота его зелени, благоухание его цветов и пение его птиц, и я вошел в него, чтобы в нем погулять с часок времени, а потом я уйду своей дорогой". – "С любовью и охотой!" – молвила девушка.

И когда Масрур–купец услышал ее слова и увидел заигрыванье ее глаз и стройность ее стана, он смутился из–за красоты и прелести девушки и приятности сада и птиц, и его разум улетел. И он растерялся, не зная, что делать, и произнес такие стихи:

"Появился месяц, красою дивной украшенный,

Среди холмов, цветов и дуновений;

Фиалок, мирт и розы благовония

Дышали ароматом под ветвями.

О сад – он совершенен в дивных качествах,

И все сорта цветов в себе собрал он.

Луна сияет сквозь тень густую ветвей его,

И птицы лучшие поют напевы,

И горлинки, и соловей, и голуби,

А также дрозд тоску мою волнует.

И страсть стоит в душе моей, смущенная

Ее прелестью, как смущен хмельной бывает".

И когда Зейн–аль–Мавасиф услышала стихи Масрура, она посмотрела на него взором, оставившим в нем тысячу вздохов, и похитила его разум и сердце. И она ответила на его стихи такими стихами:

"Надежду брось на близость с той, в кого влюблен!

Пресеки желанья, которые питаешь ты!

Брось думать ты, что не в мочь тебе оставить ту,

В кого, среди красавиц, ты влюблен теперь.

Взор глаз моих влюбленным всем беду несет,

И не тяжело мне. Вот слова мои – сказала я".

И когда Масрур услышал ее слова, он решил быть твердым и стойким и затаил свое дело в душе и, подумав, сказал про себя: "Нет против беды ничего, кроме терпения". И они проводили так время, пока не налетела ночь, и тогда девушка велела принести столик, и он появился перед ними, уставленный всевозможными кушаньями – перепелками, птенцами голубей и мясом баранов. И они ели, пока не насытились, и Зейн–аль–Мавасиф велела убрать столы, и их убрали и принесли прибор для омовенья, и они вымыли руки, и затем девушка велела поставить подсвечники, и их поставили, и вставили в них камфарные свечи.

А после этого Зан–аль–Мавасиф сказала: "Клянусь Аллахом, моя грудь стеснилась сегодня вечером, так как у меня жар!" И Масрур воскликнул: "Да расправит Аллах твою грудь и да рассеет твою заботу!" – "О Масрур, сказала девушка, – я привыкла играть в шахматы. Смыслишь ли ты в них что–нибудь?" – "Да, я в них сведущ", – ответил Масрур. И Зейн–аль–Мавасиф поставила перед ним шахматы, и вдруг оказалось, что доска из черного дерева и украшена слоновой костью и у нее поле, меченное ярким золотом, а фигуры из жемчуга и яхонта..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок седьмая ночь

Когда же настала восемьсот сорок седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка велела принести шахматы, и их принесли, и когда Масрур увидел шахматы, его

мысли

смутились.

И Зейн–аль–Мавасиф обернулась к нему и сказала: "Ты хочешь красные или белые?" И Масрур ответил: "О владычица красавиц и украшение утра, возьми ты красные, так как они красивы и подходят для подобной тебе лучше, и оставь мне белые фигуры". – "Я согласна", – сказала Зейн–аль–Мавасиф и, взяв красные, расставила их напротив белых и протянула руку к фигурам, передвигаемым в начале поля. И Масрур посмотрел на ее пальцы и увидел, что они как будто из теста. И он смутился из–за красоты ее пальцев и приятности ее черт, и девушка сказала: "О Масрур, не смущайся, терпи и держись стойко". И Масрур молвил: "О владычица красоты, позорящей луны, когда посмотрит на тебя влюбленный, как будет он терпелив?"

И все это было так, и вдруг она говорит: "Шах умер!" И тут она обыграла его, и поняла Зейн–аль–Мавасиф, что от любви к ней он одержимый. "О Масрур, – сказала она, – я буду играть с тобой только на определенный заклад и известное количество". – "Слушаю и повинуюсь", – ответил Масрур. И девушка молвила: "Поклянись мне, и я поклянусь тебе, что каждый из нас не будет обманывать другого". И когда оба вместе поклялись в этом, она сказала: "О Масрур, если я тебя одолею, я возьму у тебя десять динаров, а если ты меня одолеешь, я не дам тебе ничего". И Масрур подумал, что он ее одолеет, и сказал ей: "О госпожа, не нарушай своей клятвы, я вижу, ты сильнее меня в игре". – "Я согласна на это", – ответила девушка.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И они стали играть и обгоняли друг друга пешками, и девушка настигала их ферзями и выстраивала их и связывала с ладьями, и душа ее согласилась выставить вперед коней. А на голове у Зейн-аль-Мавасиф была синяя парчовая перевязь, и она сняла ее с головы и обнажила запястье, подобное столбу света, и, пройдясь рукой по красным фигурам, сказала Масруру: "Будь осторожен!" И Масрур оторопел, и улетел его разум, и его сердце пропало, и он посмотрел на стройность девушки и нежность ее свойств и смутился, и его охватила растерянность, и он протянул руку к белым, но она потянулась к красным. "О Масрур, где твой разум? Красные – мои, а белые – твои", – сказала девушка. И Масрур воскликнул: "Поистине, тот, кто на тебя смотрит, не владеет своим умом!" И когда Зейн-аль-Мавасиф увидела, в каком Масрур состоянии, она взяла у него белые и дала ему красные, и он сыграл с нею, и она его обыграла.

И Масрур продолжал играть с нею, и она его обыгрывала, и каждый раз он давал ей десять динаров, и Зейналь-Мавасиф поняла, что его отвлекает любовь к ней, и сказала: "О Масрур, ты получишь то, что хочешь, только когда обыграешь меня, как ты условился, и я буду с тобой играть только на сто динаров за каждый раз". – "С любовью и охотой", – сказал Масрур. И девушка стала с ним играть и обыгрывала его и повторяла это, и он всякий раз давал ей сотню динаров, и это продолжалось до утра, и Масрур не обыграл ее ни разу. И он поднялся и встал на ноги, и Зейн-аль-Мавасиф спросила: "Что ты хочешь, о Масрур?" – "Я пойду домой и принесу денег. Может быть, я достигну осуществления надежд", – ответил Масрур. И девушка молвила: "Делай что хочешь из того, что тебе вздумалось".

И Масрур пошел в свое жилище и принес девушке все деньги, и, придя к ней, он произнес такие два стиха:

"Привиделась в виденье сна птица мне

В саду приятном, где цветы радостны,

Я птицу ту, явилась лишь, изловил.

Верна мне будь – вот сна того явный смысл".

И когда Масрур пришел к девушке со всеми своими деньгами, он стал с ней играть, и она обыгрывала его, и он не смог уже выиграть ни одной игры. И так продолжалось три дня, пока она не взяла у него всех его денег, и когда его деньги вышли, она спросила его: "О Масрур, что ты хочешь?" "Я сыграю с тобой на москательную лавку", – сказал Масрур. "А сколько стоит эта лавка?" – спросила девушка. "Пятьсот динаров", – ответил Масрур. И он сыграл с нею пять раз, и она его обыграла, а потом он стал с ней играть на невольниц, поместья, сады и постройки, и она забрала у него все это, и все, чем он обладал.

А после этого она обратилась к нему и спросила: "Осталось ли у тебя сколько-нибудь денег, чтобы на них играть?" И Масрур ответил: "Клянусь тем, кто ввергнул нас с тобою в сети любви, моя рука не владеет больше ничем из денег или другого – ни малым, ни многим". – "О Масрур, все, что началось с согласия, не должно кончаться раскаянием, – сказала девушка. – Если ты раскаиваешься, возьми твои деньги и уходи от нас своей дорогой, и я сочту тебя свободным передо мною". – "Клянусь тем, кто предопределил нам все эти дела, если бы ты захотела взять мою душу, ее было бы мало за твою милость! – воскликнул Масрур. – Я не люблю никого, кроме тебя". – "О Масрур, – сказала Зейн-аль-Мавасиф, – тогда пойди и приведи судью и свидетелей и запиши на меня все твои владенья и поместья". И Масрур отвечал: "С любовью и охотой!"

И в тот же час и минуту он поднялся и, приведя судью и свидетелей, ввел их к девушке, и когда судья увидел ее, его ум улетел и сердце его продало и его разум взволновался из-за красоты ее пальцев. "О госпожа, воскликнул он, – я напишу свидетельство только с условием, что ты купишь эти поместья, и невольниц, и владенья, и они все окажутся в твоём распоряжении и обладании". – "Мы согласились в этом, напиши мне свидетельство, что собственность Масрура, его невольницы и то, чем владеет его рука, переходят в собственность Зейн-аль-Мавасиф за плату размером в столько-то и столько-то", – сказала Зейн-аль-Мавасиф. И судья написал, и свидетели приложили к этому подписи, и Зейн-аль-Мавасиф взяла свидетельство..."

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок восьмая ночь

Когда же настала восемьсот сорок восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Зейн-аль-Мавасиф взяла у судьи свидетельство, в котором содержалось, что все, что было собственностью Масрура, стало ее собственностью, она сказала: "О Масрур, уходи своей дорогой".

И тогда к нему обратилась ее невольница Хубуб и сказала ему: "Скажи нам какое-нибудь стихотворение" И он сказал об игре в шахматы такие стихи:

"Пожалуюсь на судьбу, на все, что случилось, я,

На шахматы, проигрыш и время я сетую,

На любовь к нежной девушке с прекрасной шеею

Ведь равной ей в людях нет средь жен и среди мужчин.

Стрелу наложила глаз на лук свой прекрасная

И двинула ряды войск, людей побеждающих,

И белых, и красных, и коней поражающих,

И против меня пошла и молвила: "Берегись!"

Презрела она меня, персты свои вытянув

В ночной темноте, такой же, как ее волосы.

Чтоб белых моих спасти, не мог я подвинуть их,

И страсть моих слез струю излиться заставила

И пешки, и ферзь ее, и башни тяжелые

Напали, и вспять бежит рать белых разбитая,

Метнула в меня стрелу глаз томных красавица,

И сердце разбито той стрелою мое теперь.

Дала она выбрать мне одно из обоих войск,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И выбрал я белых рать в расчете на счастье

И молвил: "Вот белых войско – мне подойдет оно,

Его для себя хочу, а ты возьми красные".

Играли мы на заклад, и так согласился я,

Ее же согласия достигнуть я не сумел.

О горесть сердечная, о грусть, о тоска моя!

О близости с девушкой, на месяц похожею!

Душа не горит моя, о нет, не печалится

О землях, и только взгляда жаждет ее она!

И стал я растерянным, смущенным, взволнованным,

И рок упрекал за то, что сталося со мною, я.

Спросила она: "Чем ты смущен?" И ответил я:

"О, могут ли пьющие, напившись, стать трезвыми"

О женщина! Ум она похитила стройностью,

Смягчится ль ее душа, на камень похожая?

Я молвил, позарившись: "Сегодня возьму се

За проигрыш". Не боялся, не опасался я

И сердцем все время жаждал с нею сближения,

Покуда и так и так не стал разоренным я.

Влюбленный откажется ль от страсти терзающей,

Хотя бы в море тоски совсем погрузился он?

И денег не стало у раба, чтобы тратить их,

Он, пленник любви своей, желанного не достиг".

И Зейн-аль-Мавасиф, услышав эта стихи, подивилась красноречию его языка и сказала: "О Масрур, оставь это безумие, вернись к разуму и уходи своей дорогой. Ты загубил свои деньги и поместья игрой в шахматы и не получил того, что хочешь, и тебе ни с какой стороны не подойти к этому". И Масрур обернулся к Зейн-аль-Мавасиф и сказал ей: "О госпожа, требуй чего хочешь, – тебе будет все, что ты потребуешь. Я принесу тебе это и положу меж твоих рук". – "О Масрур, у тебя не осталось денег", – сказала девушка. И Масрур молвил: "О предел надежд, если у меня нет денег, мне помогут люди". – "Разве станет дарящий просящим дара?" – сказала Зейналь-Мавасиф. И Масрур ответил: "У меня есть близкие и друзья, и чего бы я ни потребовал, они мне дадут". – "Я хочу от тебя, – сказала тогда Зейн-аль-Мавасиф, – четыре мешочка благовонного мускуса, четыре чашки галии, четыре ритля амбры, четыре тысячи динаров и четыреста одежд из вышитой царской парчи. И если ты принесешь мне, о Масрур, эти вещи, я разрешу тебе сближенье". – "Это для меня легко, о смущающая луны", – ответил Масрур. И затем Масрур вышел от нее, чтобы принести ей то, что она потребовала, а Зейн-аль-Мавасиф послала за ним следом невольницу Хубуб, чтобы та посмотрела, какова ему пена у людей, о которых он ей говорил.

И когда Масрур шел по улицам города, он вдруг бросил взгляд и увидел вдали Хубуб. Он постоял, пока она не нагнала его, и спросил: "О Хубуб, куда идешь?" И девушка ответила: "Моя госпожа послала меня за тобой следом для того–то и того–то". И она рассказала ему обо всем, что говорила ей Зейн-аль-Мавасиф, с начала до конца. И тогда Масрур воскликнул: "Клянусь Аллахом, о Хубуб, моя рука не владеет теперь ничем". – "Зачем же ты ей обещал?" – спросила Хубуб. И Масрур ответил: "Сколько обещаний не исполняет давший их, и затягивание дела в любви неизбежно". И, услышав от него это, Хубуб воскликнула: "О Масрур, успокой свою душу и прохлады глаза! Клянусь Аллахом, я буду причиной твоего сближения с ней!"

И затем она оставила его и пошла и шла до тех пор, пока не пришла к своей госпоже. И тогда она заплакала сильным плачем и сказала: "О госпожа моя, клянусь Аллахом, это человек большого сана, уважаемый людьми". И ее госпожа молвила: "Нет хитрости против приговора Аллаха великого! Этот человек не нашел у нас милостивого сердца, так как ты взяли его деньги, и не нашел у нас любви и жалости в сближении. А если я склонюсь к тому, что он хочет, я боюсь, что дело станет известно". – "О госпожа, – сказала Хубуб, – нам не легко видеть его состояние. Но ведь подле тебя только я и твоя невольница Сукуб. Кто же из нас может заговорить о тебе, раз мы твои невольницы?"

И тут Зейн-аль-Мавасиф склонила на некоторое время голову к земле, и невольницы сказали ей: "О госпожа, наше мнение, что ты должна послать за ним и оказать ему милость. Не позволяй ему просить ни у кого из дурных. О, как горьки просьбы!" И Зейн-аль-Мавасиф вняла словам невольниц и, потребовав чернильницу и бумагу, написала Масруру такие стихи: "Сближенье пришло, Масрур, возрадуйся же тотчас,

Когда почернеет ночь, для дела ты приходи,

И низких ты не проси дать денег, о юноша:

Была я тогда пьяна, теперь возвратился ум.

Все деньги твои тебе вновь будут возвращены,

И, сверх того, о Масрур, я близость со мною дам.

Ты истинно терпелив, и нежностью встретил ты

Суровость возлюбленной, жестокой несправедно.

"Спешి же насытиться любовью и радуйся,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Небрежен не будь – не то узнает семья о нас.

Пожалуй же к нам скорей, не мешкая приходи,

Вкуси от плода сближенья, мужа покуда нет".

А потом она свернула письмо и отдала его своей невольнице Хубуб, а та взяла его и пошла с ним к Масруру и увидела, что Масрур плачет и произносит такие стихи поэта:

"Пахнуло на сердце мне любви дуновением,

И сердце истерзано чрезмерной заботою.

Сильнее тоска моя с уходом возлюбленных,

Глаза мои залиты потоком бегущих слез.

Мои подозренья таковы, что, открой я их

Камням или скалам твердым, быстро смягчились бы.

О, если бы знать, увижу ль то, что мне радостно,

Достанется ль счастье мне достигнуть желанного?

Совьются ль разлуки ночи после возлюбленной,

Избавлюсь ли от того, что сердце пронзило мне?.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок девятая ночь

Когда же настала восемьсот сорок девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Масрур, когда усилилось в нем любовное безумие, стал произносить стихи, охваченный сильной страстью. И когда он напевал эти стихи и повторял их, вдруг услышала его Хубуб. И она постучала в ворота, и Масрур поднялся и открыл ей, и она вошла и подала ему письмо. И Масрур взял его и прочитал и спросил: "О Хубуб, какие за тобой вести о твоей госпоже?" И невольница ответила: "В этом письме заключается то, что избавляет от ответа, так как ты из людей разумных". И Масрур обрадовался великой радостью и произнес такие два стиха:

"Вот пришло письмо, и обрадован содержанием я.

И хотелось бы в глубине души сохранить его.

Лишь сильней любил я, целуя строки письма ее,

И казалось мне, что жемчужина скрыта страсти в нем".

И потом он написал письмо, ей в ответ, и отдал его Хубуб, и та взяла его и отнесла Зейн-аль-Мавасиф. И, придя к ней, Хубуб начала ей описывать достоинства Масрура и рассказывать ей об его качествах и великодушии и стала ему помощницей в сближении с Зейн-аль-Мавасиф. И Зейн-аль-Мавасиф сказала ей: "О Хубуб, он мешкает с приходом к нам". – "Поистине, он скоро придет", – ответила Хубуб. И не закончила она еще своих слов, как вдруг Масрур пришел и постучался в ворота. И Хубуб открыла ему и взяла его и привела к своей госпоже Зейн-аль-Мавасиф, и та пожелала ему мира и приветствовала его и посадила с собой рядом.

А затем она сказала своей невольнице Хубуб: "Поддай ему одежду из лучших, какие бывают". И Хубуб пошла и принесла одежду, шитую золотом, и Зейн-аль-Мавасиф взяла ее и облачила в нее Масрура. И сама она тоже облачилась в платье из роскошнейших одежд и надела на голову сетку из свежего жемчуга, а поверх сетки она повязала парчовую повязку, обшитую жемчугом, драгоценными камнями и яхонтами. И она выпустила из-под повязки два локона, и к каждому локону привязала красный яхонт с меткой яркого золота, и распустила волосы, подобные темной ночи, и окурилась алоэ и надушилась мускусом и амброй. И ее невольница Хубуб сказала ей: "Да сохранит тебя Аллах от сглаза!" И Зейн-аль-Мавасиф стала ходить, горделиво покачиваясь при каждом шаге, и невольница произнесла такие стихи из дивных своих стихотворений:

"И смутилась ивы ветвь гибкая от шагов ее,

И напала взором на любящих, посмотрев, она.

Луна явилась во мраке ночи волос ее,

Точно солнце, вдруг осиявшее тень кудрей ее.

О, как счастлив тот, с кем почует рядом краса ее,

Кто умрет, клянясь ее жизнью, за нее умрет!"

И Зейн-аль-Мавасиф поблагодарила ее, а потом она подошла к Масруру, подобная незакрытой луне. И, увидав ее, Масрур поднялся на ноги и воскликнул: "Если мое предположение говорит правду, она не человек, а одна из невест рая". И потом Зейн-аль-Мавасиф велела подать стол, и он появился, и вдруг оказалось, что на краю стола написаны такие стихи:

Сверни с твоей ложкою ты к табору мисок

И всякими насладись жаркими и дичью.

На них перепелки будут – я их всегда люблю

И нежные курочки с цыплятами вместе.

Аллахом нам дан кебаб, румянцем гордящийся,

И зелень макаем мы в разбавленный уксус.

Прекрасен молочный рис, куда погружаются Запястья до самого предела браслетов.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

О, горесть души моей о двух рыбных кушаньях

На свежих лепешечках из плотного теста!

И потом они стали есть и пить, наслаждаться и веселиться. И убрали скатерть кушаний, и подали скатерть вина, и заходили между ними кубки и чаши, и приятно стало им дыханье, и наполнил чашу Масрур и воскликнул: "О та, чей я раб, и кто моя госпожа!" И затем он стал напевать, произнося такие стихи:

"Глазам я дивлюсь моим – наполнить сумеют ли

Себя красотою той, что блещет красой своей?

И ей в ее времени не встретишь подобных ты,

По тонкости ее свойств и качеств приятности.

Завидует ивы ветвь всегда ее гибкости

В одежде, когда идет она, соразмерная.

Лик светлый ее луну смущает во тьме ночной,

И яркий ее пробор, как месяц, сияет нам.

Когда по земле пройдет, летит аромат ее,

Как ветер, что средь долин и гор овевает нас"

А когда Масрур окончил свои стихи, Зейн–аль–Мавасиф воскликнула: "О Масрур, всякому, кто крепко держится своей веры и поел нашего хлеба и соли, мы обязаны воздать должное! Брось же думать об этих делах, и я верну тебе все твои владения и все, что мы у тебя взяли". – "О госпожа, – ответил Масрур, – ты свободна от ответа за то, о чем ты говоришь, хотя ты была вероломна в клятве, которая между нами. А я пойду и сделаюсь мусульманином" [624]. И невольница Зейн–аль–Мавасиф, Хубуб, сказала ей: "О госпожа моя, ты молода годами и много знаешь, и я ходатайствую перед тобой именем великого Аллаха. Если ты не послушаешь моего ходатайства и не залечишь моего сердца, я не просплю этой ночи у тебя в доме". – "О Хубуб, – ответила девушка, – будет лишь то, чего ты хочешь. Пойди уברי нам заново другую комнату".

И невольница Хубуб поднялась и заново убрала другую комнату, и украсила ее, и надушила лучшими благовониями, как хотела и желала, и приготовила кушанья, и принесла вино, и заходили между ними кубки и чаши, и приятно стало им дыхание..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот пятидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Зейналь–Мавасиф приказала своей невольнице Хубуб заново убрать комнату развлечения, Хубуб поднялась и обновила кушанье и вино, и заходили между ними кубки и чаши, и приятно стало им дыхание. И Зейналь–Мавасиф сказала: "О Масрур, пришло время встречи и сближения, и если ты заботаешься о нашей любви, скажи нам стихи с диковинным смыслом". И Масрур произнес такую касыду:

Я связан (а в сердце пламя ярким огнем горит)

Веревкой сближения, в разлуке разорванной,

И страстью к девушке, что сердце разбила мне

И ум мой похитила щекой своей нежною.

Изогнута бровь у пей, и черны глаза ее,

Уста ее молнию напоят улыбкою.

Всего прожила она четыре и десять лет,

А слезы мои о ней напоят дракона кровь.

Увидел ее в саду у быстрых потоков я,

С лицом лучше месяца, что в выси плывет небес,

И встал я, плененному подобный, почтительно,

И молвил: "Привет Аллаха, о недоступная!"

И мне на привет она охотно ответила

Словами прекрасными, как жемчуг нанизанный.

И речи мои услышав, в миг поняла она

Желанья мои, и сердце стало глухим ее.

И молвила дева: "Речи эти не глупость ли?"

И молвил я: "Перестань бранить ты влюбленного!

И если меня ты примешь – дело не трудно мне.

Возлюбленные – как ты, а любящие – как я".

Увидев, чего хочу, ока улыбнулась мне

И молвила: "Я творцом небес и земли клянусь,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Еврейка я, а еврейство – вера суровая,
А ты к христианам, без сомнения, относишься,
Как, хочешь ты близости – ты веры иной, чем я?
Коль хочешь ты это сделать, – будешь жалеть потом.
Играешь ты верою – дозволено ль то в любви!
И будет упреками изранен подобный мне.
И вера его носить начнет во все стороны,
И будешь преступен ты перед верой обоих нас.
И если нас любишь, стань евреем ты по любви
И сделай сближение с другой недозволенным.
И дай на Евангелие ты клятву правдивую,
Что будешь хранить в любви ты тайну, скрывать ее.
И я поклянусь на Торе верными клятвами,
Что выполню я обет, который дала тебе".
Поклялся я верою, законом и толком ей,
И сам ее клятву дать заставил великую.
И молвил я: "Как зовут тебя, о предел надежд?"
И молвила: "Я краса всех свойств – недоступная".
И вскрикнул я: "О краса всех свойств, я, поистине,
Любовью к тебе охвачен, в страсти безумен я".
Увидел под покрывалом я красоту ее,
И сердцем печален стал, и сделался я влюблен.
И долго пред занавеской я умолял ее,
И сердцем великая моим овладела страсть.
Увидевши, что со мной и как велика любовь,
Она показала мне сияющий смехом лик.
И ветром сближенья пахнуло от нас тогда,
И веяло мускусом от тела и рук ее.
И запах рассеялся повсюду ее духов,
И я вино уст узнал, лобзая прекрасный рот.
Нагнулась, как ивы ветвь, в одеждах своих она,
И близость запретная мне стала дозволенной,
И спали мы в близости, и сблизились с нею мы
Объятьем, лобзаньем и влаги смешеньем уст.
Ничто ведь не красит землю, кроме возлюбленной,
С которой ты близок стал, и ею ты властвуешь.
Когда ж засияло утро, встала любимая
Проститься со мной, и лик ее затмевал луну.
Прощаясь, она стихи сказала, и по щекам
Нанизаны были капли слез и рассыпаны.
Обет не забуду я Аллаху, покуда жив,
Прекрасную ночь и клятвы ей не забуду я".

И Зейн-аль-Мавасиф пришла в восторг и воскликнула: "О Масрур, как прекрасны твои качества! Пусть не живет тот, кто с тобой враждует!" И она вошла в комнату и позвала Масрура, и тот вошел к ней и прижал ее к груди, и обнял, и поцеловал, и достиг с ней того, что считал невозможным, и радовался он, получив прекрасную близость. И Зейн-аль-Мавасиф сказала ему: "О Масрур, твои деньги для нас запретны и для тебя дозволены, так как мы стали любящими!" И затем она возвратила ему богатства, которые у него взяла, и спросила: "О Масрур, есть ли у тебя сад, куда мы бы могли прийти погулять?" – "Да, госпожа, – ответил Масрур, – у меня есть сад, которому нет равных".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Масрур пошел в свое жилище и приказал невольницам сделать роскошные кушанья и приготовить красивую комнату и великий пир, а потом он позвал Зейн-аль-Мавасиф в свое жилище, и она пришла со своими невольницами. И они начали есть, пить, наслаждаться и веселиться, и заходила между ними чаша, и приятно стало им дыхание, и уединился всяк любящий с любящими, и Зейналь-Мавасиф сказала: "О Масрур, пришло мне на ум тонкое стихотворение, и я хочу сказать его под лютню". – "Скажи его", – молвил Масрур. И девушка взяла в руки лютню и настроила ее и, пошевелив струны, запела на прекрасный напев и произнесла такие стихи:

"Склонил меня восторг от звуков нежных,

И сладок был напиток наш с зарею.

Любовь безумных душу открывает,

И страсть, явившись, рвет стыда завесы.

И чистых вин тогда прекрасны свойства,

Как солнце, что в руке луны открылось,

В ту ночь, что наслаждение нам приносит.

И радостью стирает пятна горя".

А окончив свои стихи, она сказала: "О Масрур, скажи нам что-нибудь из твоих стихотворений и дай нам насладиться плодами твоих произведений". И Масрур произнес такое двестишье:

"Мы радовались луне, вино разносившей нам,

И лютни напевам, и в садах находились мы,

Где горлинки пели и качалась ветвь гибкая

Под утро, и в тех садах – желаний моих предел".

А когда он окончил свои стихи, Зейн-аль-Мавасиф сказала ему: "Скажи нам стихотворение о том, что с нами случилось, если ты занят любовью к нам..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят первая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Зейн-аль-Мавасиф сказала Масруру: "Если ты занят любовью к нам, скажи нам стихотворение о том, что с нами случилось". – "С любовью и охотой", – ответил Масрур и произнес такую касиду:

"Постой, послушай, что в страсти

К газели стало со мною:

Я лани стрелой повержен

И взоров выдержал натиск.

Пленен я страстью, клянусь вам,

В любви стеснились уловки,

В кокетливую влюблен я,

Что скрыта стрелами взоров.

Ее в саду я увидел,

И стан ее был так строен!

"Мир вам!" – я сказал, она так

Ответила: "Мир!" Услышав,

Спросил я: "Как имя?" Слышу

В ответ: "Я – красота корона.

Мне имя – Краса всех качеств".

И молвил я: "Сжалься, сжалься!

Горит во мне страсть, клянусь я.

И любящих нет мне равных!"

Она мне: "Когда ты любишь

И хочешь со мной сближенья,

Я много желаю денег,

Превыше подарков всяких.

Одежд от тебя хочу я

Из шелка, ценой высоких,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И мускуса за ночь страсти
Хочу я четверть кинтара.
Коралл мне нужен и жемчуг,
И редкий и драгоценный.
Хочу серебра и злата
В уборах, ценой высоких".
Явил я благую стойкость,
Хоть сильно горел я страстью,
И близость она дала мне
В ночь месяца молодого.
Хулить меня если станут
Другие мужи, скажу я:
"Прекрасны той девы кудри,
А цвет их – цвет темной ночи.
И розы в ее ланитах
Горят, как огонь, пылая.
В глазах ее меч таится,
А взоры разят стрелою,
Вино в ее рту таится,
А взор ее – ключ студеной,
И жемчуг в устах блистает,
Как дивное ожерелье.
Прекрасной своей шеей
Газель она нам напомнит,
Бела ее грудь, как мрамор,
Соски ее – гор вершины.
Живот у нее – весь в складках,
И галией он пропитан.
А ниже одна вещь скрыта,
В которой предел надежды.
Жирна она и мясиста
И так толста, о владыки!
Подобна царей престолу
К нему я с просьбой явился.
А меж столбов ты увидишь
Возвышенных ряд скамеек.
У этой вещи есть свойства,
Что ум людей изумляют:
Она две губы имеет,
Как мул, она боязлива.
Порою ее глаз красен,
А губы – как у верблюда.
И если придешь к той вещи
Готовым к делу, найдешь ты
На ощупь ее горячий

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И силу ты в ней получишь.

Она храбреца прогонит,

Придет коль на бой он слабым,

А часто на ней увидишь

Изрядную ты бородку.

Не скажет о ней красавец,

Который красив так дивно,

Подобный Красе всех качеств,

Что так во всем совершенна".

Пришел я к ней как-то ночью

И дивную вкусил сладость,

И ночь, что с нею провел я,

Затмит все другие ночи.

Пришла заря, и поднялась

Красавица с лунным ликом,

И стан свой она склонила,

Подобно копью прямому,

И, расставаясь, спросила:

"Когда вернутся те ночи?"

И молвил я: "О свет глаза,

Являйся когда захочешь".

И Зейн-аль-Мавасиф пришла от этой касыды в великий восторг, и охватило ее крайнее веселье. "О Масрур, – сказала она потом, – приблизилось утро, и остается только уходить, из опасения позора". – "С любовью и охотой!" – сказал Масрур и, поднявшись на ноги, пошел с нею и привел ее к ее жилищу, а потом он пошел к себе домой и провел ночь, думая о красоте девушки. Когда же наступило утро и засияло светом и заблестало, Масрур приготовил роскошный подарок и принес его девушке и сел подле нее. И они провели так несколько дней, пребывая в счастливейшей жизни.

А потом, в какой-то день пришло к Зейн-аль-Мавасиф от ее мужа письмо, в котором говорилось, что он скоро к ней приедет, и Зейн-аль-Мавасиф сказала про себя: "Да не сохранит его Аллах и да не продлит его жизнь! Когда он к нам приедет, наша жизнь замутится. О, если бы я лишилась надежды его видеть".

И когда пришел к ней Масрур и начал с ней разговаривать, как обычно, она сказала ему: "О Масрур, пришло к нам письмо от моего мужа, и говорится в нем, что он скоро вернется из путешествия. Что же нам делать, когда ни один из нас не может жить без другого?" – "Я не знаю, что будет, – ответил Масрур, – и ты осведомленнее и лучше знаешь нрав твоего мужа, тем более что ты одна из самых умных женщин и знаешь хитрости, и ухитришься так, как не могут ухитриться мужчины". – "Это человек тяжелый, – сказала Зейн-аль-Мавасиф, – и он ревнует женщин своего дома. Но когда он приедет после путешествия и ты услышишь о его приезде, приходи к нему, поздоровайся с ним, сядь с ним рядом и скажи ему: "О брат мой, я москательщик", – и купи у него каких-нибудь москательных товаров. Приди к нему несколько раз и затягивай с ним разговоры, и что бы он тебе ни приказал – не перечь ему, и, может быть, то, что я придумаю, будет подходящим". И Масрур отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" И потом он вышел от нее, и запылал в его сердце огонь любви.

А когда муж Зейн-аль-Мавасиф приехал домой, она обрадовалась его приезду и сказала ему: "Добро пожаловать!" – и приветствовала его. И ее муж посмотрел ей в лицо и увидел на нем желтизну. (А Зейн-аль-Мавасиф вымыла лицо шафраном и проделала над ним какие-то женские хитрости.) И он спросил ее, что с ней, и Зейналь-Мавасиф ответила, что она с невольницами больна со времени его отъезда, и сказала: "Наши сердца были заняты мыслью о тебе из-за твоего долгого отсутствия". И она стала ему жаловаться на тяжесть разлуки и плакать проливными слезами и говорила: "Если бы с тобой был товарищ, мое сердце не несло бы всей этой заботы. Заклинаю тебя Аллахом, о господин мой, не езди больше без товарища и не прерывай о себе сведений, чтобы я была за тебя спокойна сердцем и душой..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят вторая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Зейн-аль-Мавасиф сказала своему мужу: "Не езди больше без товарища и не прерывай сведений о себе, чтобы я была спокойна за тебя и сердцем и душой", – он ответил ей: "С любовью и охотой! Поистине, твое приказание правильно, и твое мнение верно. Твоя жизнь дорога моему сердцу, и будет лишь то, что ты хочешь".

И затем он пошел к себе в лавку, и отпер ее, и сел продавать на рынке. И когда он был у себя в лавке, вдруг подошел Масрур и пожелал ему мира и, сев с ним рядом, начал ему говорить: "Да продлит Аллах твою жизнь!" И он посидел, беседуя с ним, некоторое время, а затем вытащил мешок, развязал его и, вынув оттуда золота, дал его мужу Зейн-аль-Мавасиф и сказал: "Дай мне на эти динары разных москательных товаров, чтобы я продал их в своей лавке". И муж ее отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" – и дал ему то, что он потребовал. И Масрур заходил к нему так несколько дней подряд, и муж Зейн-аль-Мавасиф обратился к нему и сказал: "Мне нужен человек, чтобы вступить с ним в компанию для торговли". И Масрур ответил: "И мне тоже нужен человек, чтобы вступить с ним в компанию для торговли, так как мой отец был купцом в стране Йеменской и оставил мне большие богатства, и я боюсь, что они пропадут".

И тогда муж Зейн-аль-Мавасиф обратился к нему и сказал: "Не желаешь ли ты стать моим товарищем, и я тоже стану твоим товарищем и приятелем, и другом в путешествии и на месте, и буду учить тебя продавать и покупать, и брать, и отдавать". И Масрур отвечал: "С любовью и охотой!" И еврей взял его и привел в свое жилище и посадил в проходе, а сам вошел к своей жене Зейн-аль-Мавасиф и сказал ей: "Я взял одного человека в товарищи и позвал его на угощение. Приготовь же нам хорошее угощение". И Зейн-аль-Мавасиф обрадовалась и поняла, что это Масрур, и приготовила роскошный пир и сделала прекрасные кушанья от радости, что пришел Масрур и что ее хитрый замысел удался.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда Масрур вошел в дом мужа Зейн-аль-Мавасиф, тот сказал своей жене: "Выйди со мной к нему, и приветствуй его, и скажи ему: "Ты нас обрадовал!" Но Зейналь-Мавасиф рассердилась и воскликнула: "Ты ведешь меня к чужому, постороннему человеку! Прибегаю к Аллаху! Хотя бы ты разрезал меня на кусочки, я не появлюсь перед ним". – "Почему ты стыдишься? спросил ее муж. – Он христианин, а мы – евреи, и мы будем товарищами". "Я не желаю идти к постороннему человеку, которого никогда не видел мой глаз, и я его не знаю", – ответила Зейн-аль-Мавасиф. И ее муж подумал, что она правдива в своих словах.

И он до тех пор обхаживал ее, пока она не поднялась. И тогда она завернулась в покрывало, взяла кушанье и вышла к Масруру и приветствовала его. И он склонил голову к земле, словно стесняясь, и купец увидел, что он понурился, и подумал: "Это несомненно постник". И они поели досыта, а потом кушанья убрали и принесли вино, и Зейн-аль-Мавасиф села напротив Масрура и стала смотреть на него, и он смотрел на нее, пока день не прошел. И Масрур ушел домой, и в сердце его пылал огонь, а что касается мужа Зейн-аль-Мавасиф, то он все думал о тонком поведении своего товарища и об его красоте.

Когда же наступил вечер, его жена подала ему кушанье, чтобы он поужинал, как обычно. А у него в доме была птица соловей, и, когда он садился есть, эта птица подлетала к нему, и ела вместе с ним, и порхала у него над головой, и эта птица привыкла к Масруру, и порхала над ним всякий раз, как он садился за еду, и когда Масрур ушел и пришел ее хозяин, птица не узнала его и не приблизилась к нему. И купец стал думать об этой птице и ее отдалении от него. Что же касается Зейн-аль-Мавасиф, то она не засыпала, и ее сердце было занято Масруром, и продолжалось это на второй вечер и на третий вечер. И еврей понял, в чем дело с его женой, и стал наблюдать за ней, когда ее ум был занят, и заподозрил ее, а на четвертую ночь он пробудился в полночь от сна, и услышал, что его жена бормочет во сне и говорит о Масруре, хотя спит в объятиях мужа, и это показалось купцу подозрительным, но он скрыл свое дело.

А когда наступило утро, он пошел к себе в лавку и сел в ней, и, когда он сидел, вдруг подошел Масрур и приветствовал его. И купец возвратил ему приветствие и молвил. "Добро пожаловать, брат мой! – И потом сказал: "Я стосковался по тебе". И он просидел, беседа с Масруром, некоторое время и затем сказал ему: "Пойдем, о брат мой, в мое жилище и заключим договор о братстве". И Масрур отвечал: "С любовью и охотой!"

И когда они пошли к дому, еврей пошел вперед и рассказал своей жене о приходе Масрура и о том, что он хочет с ним торговать и побрататься, и сказал: "Приготовь нам хорошую комнату и обязательно приходи к нам и посмотри на братанье". – "Заклинаю тебя Аллахом, – сказала ему жена, не приводи меня к этому постороннему человеку! Нет у меня желания приходить к нему". И ее муж промолчал и велел невольницам подавать кушанья и напитки, и затем он позвал птицу соловья, и птица опустилась на колени к Масруру и не узнала своего хозяина. И тогда купец спросил: "О господин, как твое имя?" И Масрур ответил: "Мое имя Масрур". А дело в том, что жена купца всю ночь произносила во сне это имя. И купец поднял голову и увидел, что его жена смотрит на Масрура и делает ему знаки и указания бровью, и понял он тогда, что хитрость против него удалась. "О господин, – сказал он, – дай мне отсрочку – я приведу сыновей моего брата, чтобы они присутствовали на братанье". – "Делай что тебе вздумается", – ответил Масрур. И муж Зейн-аль-Мавасиф поднялся и вышел из дома и подошел к той комнате сзади..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят третья ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что муж Зейн-аль-Мавасиф сказал Масруру: "Дай мне отсрочку, я приведу сыновей моего брата, чтобы они присутствовали при договоре о братанье между мной и тобой". И потом он пошел и подошел к той комнате сзади и остановился. А в том месте было окно, возвышавшееся над обоими влюбленными, и купец подошел к нему и стал на них смотреть, а они его не видели.

И вдруг Зейн-аль-Мавасиф спросила свою невольницу Сукуб: "Куда ушел твой господин?" И когда девушка ответила: "Он вышел

из

дома", Зейн-аль-Мавасиф сказала ей: "Запри ворота и заложите их железом. Не отпирай их, пока он не постучится, и сначала уведоми меня". И невольница ответила: "Так и будет". А муж Зейн-аль-Мавасиф, при всем этом, видел их обстоятельства. А потом Зейн-аль-Мавасиф взяла чашу и налила ее розовой водой и положила туда тертого мускуса и подошла к Масруру. И тот поднялся, и пошел ей навстречу, и воскликнул: "Клянусь Аллахом, твоя слюна слаще этого напитка!" И Зейн-аль-Мавасиф стала его поить, и он поил ее, а потом она обрызгала его розовой водой, от темени до ступни, и благоуханье распространилось по всей комнате. И при всем этом, ее муж смотрел на них и дивился силе их любви, и его сердце наполнилось гневом из-за того, что он увидел, и его взяла ярость, и он взревновал великою ревностью.

И он подошел к воротам и увидел, что они заперты, и постучал в них сильным стуком от великого гнева, и невольница сказала: "О госпожа, мой господин пришел". – "Ототри ему ворота, пусть бы не воротил его Аллах благополучно!" – молвила Зейн-аль-Мавасиф. И Сукуб подошла к воротам и отперла их. "Чего ты запираешь ворота?" – спросил ее господин. И она сказала: "В твоё отсутствие они так и были заперты и не отпирались ни ночью, ни днем". – "Ты хорошо сделала, это мне нравится", – молвил ее хозяин и вошел к Масруру, смеясь, и скрыл свое дело и сказал: "О Масрур, уволь нас от братанья на сегодняшний день – мы побратаемся в другой день, не сегодня". – "Слушаю и повинуюсь, делай что тебе вздумается", ответил Масрур.

И потом он ушел в свое жилище, а муж Зейн-аль-Мавасиф стал раздумывать о своем деле, не зная, как ему поступить, и его ум был до крайности смутен, и он говорил про себя: "Даже соловей и тот меня не узнал, а невольницы заперли передо мной ворота и склонились к другому". И от великого огорчения он принялся повторять такие стихи:

"Срок долгий провел Масрур, живя в наслаждении,

И сладость узнал он дней и жизни, что кончилась.

Противится мне судьба и та, кого я люблю,

А сердце мое огнем сильней и сильней горит.

Безоблачна была жизнь с прекрасной и кончилась,

Но все же по-прежнему ты в прелесть ее влюблен.

Глаза мои видели всю прелесть красот ее,

И сердце мое теперь охвачено страстью к ней.

И долго она меня поила с охотою

Из нежных прекрасных уст вином, когда жаждал я.

Зачем же, о соловей, меня покидаешь ты

И ныне приветствуешь другого влюбленного?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Увидел глазами я дела весьма дивные,

Проснулись мои глаза, а раньше смыкал их сон.

Я видел, что милая сгубила мою любовь

И птица моя теперь летает не надо мной,

Я богом миров клянусь! Захочет когда свой суд

Над тварями он свершить, – немедля вершит его.

Я сделаю то, чего достоин обидчик мой,

По глупости он моей сближенья достиг с женой".

И когда Зейн–аль–Мавасиф услышала эти стихи, у нее затряслись поджилки, и желтым стал цвет ее лица, и она спросила свою невольницу: "Слыхала ли ты это стихотворение?" – "Я никогда в жизни не слыхала, чтобы он говорил такие стихи, но пусть себе говорит то, что говорит", – отвечала невольница.

И когда муж Зейн–аль–Мавасиф убедился, что это дело истинное, он начал продавать все, чем владела его рука, и сказал в душе: "Если я не удалю их от родины, они никогда не отступятся от того, что делают". И он продал все свои владения и написал поддельное письмо, а потом он прочитал его своей жене и сказал, что оно пришло от сыновей его дяди и содержит просьбу, чтобы они с женой их посетили". – "А сколько времени мы у них пробудем?" – спросила Зейн–аль–Мавасиф. И ее муж сказал: "Двенадцать дней". И она согласилась поехать и спросила: "Брать ли мне с собой кого–нибудь из невольниц?" – "Возьми Хубуб и Сукуб и оставь здесь Хутуб", – ответил ее муж. А потом он приготовил для женщин красивые носилки и собрался уезжать. И Зейн–аль–Мавасиф послала сказать Масруру: "Если пройдет срок, о котором мы условились, и мы не вернемся, знай, что муж сделал с нами хитрость, и придумал для нас ловушку, и отдалил нас друг от друга. Не забывай же уверений и клятв, которые между нами, – я боюсь его хитрости и коварства".

И ее муж приготовился для путешествия, а Зейн–аль–Мавасиф стала плакать и рыдать, и не было ей покоя ни ночью, ни днем. И когда ее муж увидел это, он не стал ее порицать. И, увидев, что ее муж обязательно поедет, Зейн–аль–Мавасиф собрала свои материи и вещи, и сложила все это у своей сестры, и рассказала ей обо всем, что случилось, а потом она попрощалась с нею и вышла от нее плача. И она вернулась к себе домой и увидела, что ее муж привел верблюдов и начал накладывать на них тюки, и он приготовил для Зейн–аль–Мавасиф самого лучшего верблюда. И

когда Зейн–аль–Мавасиф увидела, что разлука с Масруром неизбежна, она не знала, как поступить. И случилось, что ее муж вышел по какому–то делу, и тогда она подошла к первой двери и написала на ней такие стихи..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят четвертая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Зейн–аль–Мавасиф увидела, что ее муж привел верблюдов, и поняла, что он уезжает, она не знала, как поступить. И случилось, что ее муж вышел по какому–то делу, и тогда она подошла к первой двери и написала на ней такие стихи:

О голубь домашний мой, от нас передай привет

Ты любящего любимым в час расставания.

Скажи ему, что всегда останусь печальной я

И буду жалеть о прежней жизни, столь милой нам.

Любимый мой также ведь все время безумствует,

И также по радости минувшей тоскует он.

Мы в радости провели и счастье не малый срок,

И близостью наслаждались и днем мы с ним.

Но только очнулись мы, раздался над нами крик

Разлучника–ворона: вещал о разлуке он.

Уехали мы, оставив дом наш пустынею.

О, если бы мы жилищ своих не оставили!

И потом она подошла ко второй двери и написала на ней такие стихи:

Аллахом молю, к дверям пришедший, взгляни теперь

На прелесть любимого во тьме и скажи другим,

Что плачу я, вспомнив близость с ним, и скорблю о ней,

И нету конца слезам, во плаче струящимся.

И если не стерпишь ты того, чем убита я,

Покрой эти строки пылью, прахом засыпь их ты.

Питом поезжай в края востока и запада

И будь терпелив – Аллах такие судил дела.

И потом она подошла к третьей двери и написала на ней такие стихи:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Потише, Масрур! Когда ты дом посетишь се,

Ты к двери пройди и строки ты прочитай на ней.

Обет не забудь любви, правдивым ты если был

Ведь сколько вкусило женщин горечь и сладость дней.

Аллахом молю, Масрур, ты близость к ней не забудь

Оставила для тебя ведь радости все она.

О, плачь о днях близости и дивной усладе их,

С приходом твоим завесы были отброшены.

Так странствуй же ты за нами в дальних краях, Масрур,

В моря погружайся их и земли их исходи.

Далеко ушли теперь сближения вечера,

Глубокая тьма разлуки свет погасила их.

Аллах, сохрани бывшие дни – дивна радость их

В прекрасном саду надежд, где рвали мы их цветы!

Зачем не продлились эти дни, как хотела я!

Аллах пожелал, чтоб дни, придя, уходили вновь.

Вернутся ли снова дни, и будем ли вместе мы?

Я буду верна, и дни исполнят тогда обет.

И знай, что дела мирские держит в деснице тот,

Кто чертит в предвечном сроки их на скрижали лба [625],

А потом она заплакала сильным плачем и вернулась в дом, плача и рыдая, и стала она вспоминать то, что прошло, и воскликнула: "Слава Аллаху, который судил нам это!" И затем усилилось ее горе из-за разлуки с любимым и оставления родных мест, и она произнесла такие стихи:

"Привет над тобой Аллаха, о опустевший дом!

Окончили дни в тебе теперь свои радости.

О голубь домашний мой, ты плача не прекращай

О той, кто луну свою и месяц покинул вновь.

Потише, Масрур, рыдай, утративши нас теперь;

Лишившись тебя, лишились света глаза мои.

О, если бы видели глаза твои наш отъезд

И пламя в душе моей, все ярче пылавшее!

То время ты не забудь под тенью густой садов,

Что вместе нас видели и скрыли завесою".

И потом Зейн-аль-Мавасиф пошла к своему мужу, и тот поднял ее на носилки, которые сделал для нее, и когда Зейн-аль-Мавасиф оказалась на спине верблюда, она произнесла такие стихи:

"Привет над тобою Аллаха, о опустевший дом!

Как долго сносить в тебе пришлось нам несчастья!

О, если б средь стен твоих порвались дни времени

И в пылкой любви моей была бы убита я!

Скорблю я вдали и изнываю по родине,

Любимый, не знаю я, что ныне случилось,

О, если бы знать мне, будет ли возвращение

Такое же ясное, как было нам ясно встарь?"

И ее муж сказал ей: "О Зейн-аль-Мавасиф, не печалься о разлуке с твоим жилищем – ты вернешься в него в скором времени". И он принялся успокаивать ее сердце и уговаривать ее, и потом они двинулись, и выехали за город, и поехали по дороге, и поняла Зейн-аль-Мавасиф, что разлука действительно совершилась, и показалось ей это тяжким.

А Масрур при всем этом сидел у себя в доме и размышлял о своей любви и своей возлюбленной. И почуяло его сердце разлуку, и он поднялся на ноги в тот же час и минуту и шел, пока не пришел к ее жилищу, и увидел он, что двери закрыты, и заметил стихи, которые написала Зейн-аль-Мавасиф. И он начал читать надпись на первой двери и, прочитав ее, упал на землю без чувств, а очнувшись от обморока, он открыл первую дверь и подошел ко второй двери и увидел, что написала Зейн-аль-Мавасиф, и на третьей двери также.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда он прочитал все эти надписи, его страсть, тоска и любовь успокоились, и он пошел по ее следам, ускоряя шаги, и нагнал караван. И он увидел Зейн-альМавасиф в конце каравана, – а ее муж был в начале каравана из-за своих вещей. И, увидев ее, Масрур уцепился за носилки, плача и горюя от мучений разлуки, и произнес такие стихи:

"Если б знать, за какой нас грех поразили

Стрелы дали и долголетней разлуки!

Счастье сердца, пришел однажды я к дому

А от страсти сильна была моя горестъ

И увидел, что дом твой пуст и разрушен,

И в любви горевал своей и стонал я.

И спросил о желанной я стены дома:

"Куда скрылась, залогом взяв мое сердце?"

И сказали: "Оставила она дом свой,

И в душе она страсть свою затаила".

Написала ряд строк она на воротах

Поступают так верные среди тварей".

И когда Зейн-аль-Мавасиф услышала эти стихи, она поняла, что

Это Масрур..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.